

Agnieszka Potyrańska

Мир о Солнце-Змее в поэзии Федора Сологулба

Acta Humana nr 2, 137-150

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Mgr Agnieszka Potyrańska

UMCS Lublin

Миф о Солнце-Змее в поэзии Федора Сологуба

Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность. Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь¹.

„Серебристы” [...] заглянули за пределы всяких мистических и космических тайн².

Русские символисты не только черпали из богатого источника, каким является мифология, но и создавали авторские мифы. Одним из самых известных мифотворцев эпохи Серебряного века был Федор Сологуб. В основе наших исследований лежит его оригинальный миф о Солнце-Змее. В ряде работ, посвященных поэту, встречаются лишь упоминания о его ненависти к солнцу, солнечному дню и любви к ночи. Среди значимых работ о Солнце-Змее следует назвать в первую очередь исследование М. Цимборской-Лебоды. Выявляя семантику Змея в книге *Twórczość w kregu mitu*³, она указывает параллели между сологубовским мифом и мифологическими рассказами, развивающими мотив борьбы между Змеем, или Драконом и солнечным, или ураническим божеством. В этом исследовании – в рамках рассуждений о мистерии в творчестве Сологуба – отмечаются ассоциации с мифическим Ahi. Авторский миф Сологуба привлек внимание и известной исследовательницы творчества поэта – М. Дикман, усматривающей в нем некий синтез концепции Шопенгауэра „о мире как злой воле” и отзвуки идеи гностиков

¹ А.Ф. Лосев, *Диалектика мифа*, электронное издание: <http://psylib.org.ua/books/losew03/index.htm> (15.01.2011).

² Ю. Безелянский, *99 имен Серебряного века*, Москва 2008, с. 14.

³ М. Cymborska-Leboda, *Twórczość w kregu mitu. Myśl estetyczno filozoficzna i poetyka gatunków dramatycznych symbolistów rosyjskich*, Lublin 1997.

о Демиурге. Напомним, что в свое время К. Чуковский в статье *Навыи чары мелкого беса* упоминал миф о Солнце-Змее и соотнес его присутствие с сологубовским мифом о жизни – „бабище румяной и дебелой”, которая создана именно злым светилом. В наше время, сопоставляя разные точки зрения на миф в творчестве поэта, М.Л. Слободнюк приходит к выводу, что „Солнце-Змей у Сологуба – это результат контаминации русского Змея-Горыныча”⁴ (М. Дикман), гностического Демиурга, альбигойского Солнца, порождающего „зло” и, возможно, „злой воли” „Шопенгауэра”⁵. На наш взгляд, кроме сказочного персонажа Змея-Горыныча, у сологубовского Змея видны черты Огненного Змея⁶ в том плане, что он является воплощением стихии огня⁷, ибо как мы увидим далее, в творчестве поэта этот мотив неслучайно и неоднократно появляется в контексте Солнца-Змея. В настоящей работе мы предпринимаем попытку истолкования понятий, определяющих концепт „Солнце” (Змей, Змий, Дракон), делая предметом интерпретации стихотворения Сологуба; мы стремимся доказать, что Солнце у Сологуба приобретает в них черты Дьявола и им становится в восприятии лирического героя. Лирическое „я” является у Сологуба парадигматическим⁸, оно подобно каждому человеку, так что можно заключить, что Дьявол держит власть над всеми людьми.

Чтобы выявить особенности авторского мифа о Солнце-Змее в поэзии автора *Мелкого беса*, мы подвергнем анализу стихотворения, датируемые 1907 годом, вошедшие в сборник, озаглавленный *Змий*. Правда, мотив Змея повторяется и в произведениях поэта других лет, учтем, однако, что речь идет не о простом повторении, а о той семантической редунданции, сущность которой определил Жильбер Дюран: повторение не имеет здесь тавтологи-

⁴ „Змей-Горыныч – сказочное чудовище в облике крылатого змея с несколькими головами. Он извергает из пасти огонь, похищает красавиц, несет зло людям” (Ю.И. Смирнов, *Славянские мифы*, Санкт-Петербург 2008, с. 216). Со Змеем-Горынычем сражался Добрыня Никитыч и победил его. (*Герои мифов и сказаний. Популярная энциклопедия*, редактор О. Федотов, Москва 2001, с. 77). См. *Никита Кожемяка (Русская народная сказка)*.

⁵ С.Л. Слободнюк, *«Дьяволы» Серебряного века (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.)*, Санкт-Петербург 1998, с. 160.

⁶ Мотив Огненного Змея появляется в стихотворении А.А. Фета *Змей*:

И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.
(Ю.И. Смирнов, *op. cit.*, с. 174).

и в стихотворении А. Майкова *Приговор (Легенда о Констанцском соборе)*.

⁷ *Мифы народов мира*, ред. С.А. Токарев, т. 2., Москва 1992, с. 238.

⁸ О парадигматическим „я” у Сологуба пишет С.Н. Бройтман, противопоставляя его лирическому „я” Мандельштама. См. С.Н. Бройтман, *Ранний О. Мандельштам и Ф. Сологуб*, [в:] „Известия Академии Наук” 1996, серия литературы и языка, т. 55, № 2, с. 31.

ческого характера: оно является совершенствующим благодаря нагромождению приближений. Его можно сравнить со спиралью или, скорее, с солёным домом, в котором с каждым повторением все больше и больше приближаемся к цели⁹. Другими словами: повторяемость мотива в разных стихотворениях способствует выявлению его скрытого, тайного смысла. Любопытно, что в некоторых из них появляется образ двух солнц, значение которых, связанное с семантикой Змея, читатель должен угадать, дешифровать:

Два солнца горят в небесах,
Посменно возносятся лики
Благово и злого владыки,
То радость ликует, то страх.
Дракон сожигающий, дикий,
И Гелиос, светом великий, -
Два солнца в моих небесах¹⁰.

Очевидно, в данном стихотворении оба солнца являются владыками, однако они различны и представлены оппозицией: „благой – злой”. Поэтому одно называется „Гелиосом” (в греческой мифологии бог солнца¹¹), второе „Драконом”. Релевантными оказываются не только их наименования, но также результаты деятельности „владык”: „То радость ликует, то страх”; последнее ассоциируется с мотивом маятника¹² (кстати, очень популярным в творчестве символистов), который отсылает к Шопенгауэру и к его книге *Жизнь между страданием и скукой*.

Аналогичную ситуацию и присутствие двух светил находим в стихотворении с инципитом *В недостижимом чертоге...*:

⁹ G. Durand, *Wyobraźnia symboliczna*, перевод С. Rowiński, Warszawa 1986, с. 26; [перевод – А. П.].

¹⁰ Ф. Сологуб, *Стихи. Книга шестая*, Санкт-Петербург 1907, с. 22. (В дальнейшем цитаты, по настоящему изданию, даются в тексте в скобках и обозначаются сокращением „С” с указанием страниц).

¹¹ *Мифы народов мира*, ред. С.А. Токарев, т. 1, Москва 1992, с. 272.

¹² В творчестве Сологуба мотив маятника вписывается в пространство страха, психического и физического заключения, скуки и зла. Он появляется во многих произведениях поэта, например: в стихотворении с инципитом *Порой повеет запах странный...*, *Чертовы качели*, в котором жизнью человека, сравниваемой с качелями, управляет черт. Возможно, маятник маячит, потому что именно такова воля Дьявола, как напр., в стихотворении *Какая смена настроений!* Этот мотив появляется также в стихотворении *Ночь настанет и опять...*. Правда, он здесь не называется прямо, но через семантику других слов мы узнаем присутствие данного мотива. О мотиве маятника в творчестве других символистов см. А. Ханзен-Леве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*, Санкт-Петербург 1999, с. 85.

Катилось кроткое светило
 Над тихим плеском горных рек¹³,
 Дневное-же солнце не всходило
 Над миром радостным во век.

Но злой Дракон, кующий стрелы,
 Свою и здесь насытил злость.
 [...]
 И Змей в безумстве злого мщения
 Свой лик пылающий вознес [С, 15].

И здесь противопоставляются два мира и два солнца: мир тишины, радости и мир зла, дневное солнце — „злomu Дракону”, Змею. Поскольку в стихотворениях Сологуба солнце называется то Драконом, то Змеем, то Змием, прежде чем перейти к анализу стихотворений, уместно дать объяснение этих лексем, отсылающих к культурной традиции.

Любопытно само происхождение слова „змея”, которое исследовал и обосновал А.Н. Афанасьев: „Санскр. *ahi*, *ahîna*, бенг. *ohi* — змея; в зендской ветви *ahi*, согласно с законами изменения звуков, переходит в *azi* или *aji* (аджи), арм. *ij* и *ôdz*; в старославянском языке соответствующая форма — жжь (= анжь, уж), польск. *waż* — змей¹; греч. *ἔχις ἐχίονα*, лат. *anguis*, литов. *angis*, сканд. *öglir* — уж, др.-нем. *unc* — змей, *unke* — уж и змей. Слова эти имеют в санскрите корень *ah* или *anh* (с носовым звуком) — сжимать, душить, сдавливать, что указывает в змее страшного гада, который опутывает (связывает) свою добычу кольцами, сжимает и душит ее; сравни: санскр. *anhu* — тесный, греч. *ἄχω* и лат. *ango* — давить, душить, *angina* — жаба, удушающая горловая опухоль, *angustus* — узкий, тесный, литов. *anksztis* и готск. *aggvus* — с тем же значением, кимр. *angu* — обнимать, заключать, слав. же — *catena*, зь, в зь, пол. *wiąz* — *vinculum*, зити — стеснять (вязати, *wiazać*), зл (*węzeł*), узкой (*wąski*). От того же корня образовались и слова для обозначения давящей тоски, страха и бедствия: санскр. *anhas* — печаль, несчастье, грех, перс. *azîdan* — беспокоить, печалить, греч. *ἄχω* — то же, лат. *angor* — удушение и печаль, огорчение, *anxius* — боязливый, опечаленный, готе, *agan* — бояться, *agis* — страх, *aggvitha* = *angst*, ирл. *agh* — страшиться, *ang*, *ing* — опасность, беда, наконец, русск. ужас”¹⁴.

¹³ Особую важность в мире „доброго солнца” приобретает мотив реки. В стихотворениях Сологуба река часто выступает как атрибут рая. В вымышленном, идеальном мире поэта обязательно присутствует река. Она то ли подчеркивает связь человека с природой (*Я был один в моем раю...*), то ли является она источником покоя и утешения (*На Ойле далекой и прекрасной...*). Но всегда это спокойная, тихая вода. Смотри также в Священном Писании: Быт.2:10–14.

¹⁴ А.Н. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*, т. 2, Москва 1995, с. 194.

Из приведенного следует, что лексема „змеи” вписывается в семантическое поле слов, обозначающих тесноту, которая в творчестве Сологуба служит выражению концепции мира – тюрьмы, ада. Еще иной, важный аспект Змея/Дракона выявляет Я.В. Чеснов в книге *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*. Он отмечает, что „Дракон по-гречески ”островидящий”. Европейский дракон, как и китайский [...] остро видит”¹⁵. Этот признак находит подтверждение и в работе А.Н. Афанасьева: „дракон — санскр. *drgvischa* — змея, животное чуткое, сторожливое, всегда озирающееся (от *drç* — смотреть, видеть), греч. *δράκων*, др.-нем. *draccho*, (*drache*), сканд. *dreki*, ирл. *draic*, кимр. *draig*, чешск. *drak*, литов. *drėžas*; в греческом *δέρχειν* — смотреть, светить, рассыпать искры”¹⁶. Другой исследователь утверждает: „Дракон может считаться дальнейшим развитием образа змея: основные признаки и мифологические мотивы, связывавшиеся с Драконом, в главных чертах совпадают с теми, которые характеризовали мифологического змея”¹⁷. Хотя наименования Змий/Змей, Дракон применяются Сологубом синонимично, относимые к одному и тому же мифологическому существу, исследователи славянской мифологии указывают на разницу между этими понятиями, противопоставляя Змия Дракону. Так, польский исследователь Александр Гейштор утверждает, что название Змий определяет небесное существо с положительными чертами, можно сказать, божьего помощника, в то время как его враг получает демонические черты и называется драконом¹⁸. Похожее мнение находим у других исследователей: борьбу с драконами и дьяволами обычно приписывается св. Илию или Богу, но в некоторых районах, где жили славяне, эту роль играло таинственное существо, именуемое Змием. [...] Название Змий было известно всем славянам и обозначало летающее, огненное существо¹⁹.

Что же касается названия „Змий”, то словари русского языка отмечают, что это устаревшая форма слова „змеи”²⁰. Слово „змий” встречается в Священном Писании, поэтому сологубовский Змей отсылает, в первую очередь, к библейскому искусителю²¹ (Быт. 3, 1-7). Однако, если учесть эпоху, в которой

¹⁵ Я.В. Чеснов, *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*, Москва 2007, с. 33.

¹⁶ А.Н. Афанасьев, *op. cit.*, с. 197.

¹⁷ *Мифы народов мира*, т. 1, *op. cit.*, с. 394.

¹⁸ A. Gieysztor, *Mitologia Słowian*, Warszawa 2006, с. 99; [перевод – А. П.].

¹⁹ J. i R. Tomicczy, *Drzewo życia. Ludowa wizja świata i człowieka*, Warszawa 1975, с. 39; [перевод – А. П.].

²⁰ *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003, с. 367.

²¹ Сатана в виде змея и Ева, соотношенная со змеем, выступают в стихотворении польского поэта Яна Каспровича *Dies Irae*. Змей в той ипостаси, какую он имеет в библейском раю, выступает в *Божественной комедии* Данте и в *Потерянном раю* Мильтона.

написаны анализируемые стихотворения поэта, то можно сказать, что змей ассоциируется с известной сектой офитов²². Ее члены чтили ужа, считали его первоначальной стихией, из которой исходит все живое и неживленное. Он самый мощный и милостивый, управляет всем²³. Однако, как увидим далее, отношение лирического героя стихотворений Сологуба к Змею, отличается от осмысления функции змея²⁴ у офитов.

Змей/Дракон – это мифопоэтический персонаж. Опираясь на существующие мифологические верования и фольклорные представления, Сологуб создает свой собственный, оригинальный миф. Поэтические характеристики Змея в его произведениях позволяют воссоздать контексты его художественного мышления и проследить отсылки к разным пластам мифопоэтической традиции. Эти характеристики можно воссоздать, в частности, путем анализа эпитетов, послуживших семантическими определениями Дракона. Так, опережая наш анализ, можно сказать, что Змей (условно говоря) получает три типа характеристик: световые, этические (аксиологические) и „эпистемологические”, которые порой выступают совместно. Рассмотрим их поочередно.

Как мы сказали ранее, для творчества Сологуба характерен миф о солнце²⁵, Солнце-Змее. По мнению исследователей, солнце, которое символисты считали источником жизни, идеалом, в творчестве Сологуба является уничтожающей стихией, кровожадным монстром и становится оригинальным символом жестокого Солнца-Дракона²⁶. В стихотворении с инципитом *Опять в лазури ясной...*, помещенном в сборнике *Змий*, поэт выявляет световое своеобразие Змия, его ”пылающий лик”:

²² „Римская гностическая секта офитов (от греч. *ophis* – „змея”; со 2 в. н. э.), исповедовавшая дуалистическую идею вражды между духовным началом и злым материальным миром, поклонялась змею, ибо он дал человеку возможность познать добро и зло и тем самым приобщил его к знанию, которое Яхве (согласно офитам – подчиненное божество, демиург одного лишь материального мира) скрыл от людей”. (А.Е. Махов, *Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии средневековья и возрождения*, Москва 2007, с. 122). Об офитах как почитателях змея-искусителя пишет И. Матушевский. См. И. Матушевский, *Дьяволы в поэзии. История и психология фигур, олицетворяющих зло в изящной словесности всех народов и веков*, Москва 1901, с. 77.

²³ Alfonso M. di Nola, *Diabel. O formach, historii i kolejach losu Szatana, a także o jego złowrogiej obecności wśród wszystkich ludów, od czasów starożytnych aż po teraźniejszość*, перевод А. Кания, Kraków 2001, с. 51; [перевод – А. П.].

²⁴ Джек Тресиддер подробно рассматривает мотив змеи, описывая как ее отрицательное, так и положительное значение в разных культурах. См. Д. Тресиддер, *Словарь символов*, перевод с английского С. Палько, Москва 1999, с. 53–55.

²⁵ О противопоставлении огненному солнцу иллюзорного мира луны см. А. Ханзен-Лево, *op. cit.*, с. 199–218.

²⁶ *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, red. А. Drawicz, Warszawa 1997, с. 72; [перевод – А. П.].

Опять в лазури ясной,
Высоко над землей
Дракон ползет прекрасный,
Сверкая чешуей.

Он вечно угрожает,
Свернувшись в яркий круг [С, 17]

Отмеченные световые признаки Дракона усиливается теми определениями, которые мы находим в стихотворении *Алмаз*, помещенном в том же сборнике, что и предыдущее произведение: „Злой Дракон горит и блещет, ослепляя зоркий глаз” [С, 8–9].

В другом месте Дракон называется „царем безумного сияния”²⁷, поэтому лирический герой предупреждает его, что он когда-то „померкнет” [С, 27] и „погаснет” [Псс, 454]. В поэтических текстах Сологуба не раз подчеркивается, что свет исходит от Дракона. Сопоставим эту мысль с фрагментом стихотворения из анализируемого сборника:

Злой Дракон, горящий ярко там, в зените,
Протянувший всюду пламенные нити [С, 27]

С этими значением перекликается огненная характеристика мифического персонажа в стихотворении 1907 года: „В небе горела Змея” [Псс, 221].

Учитывая вышесказанное, целесообразно обратить внимание на тот факт, что световые характеристики Змея вызывают ассоциации с Люцифером, имя которого дешифруется как „носитель света”.

В контексте световых характеристик Змея репрезентативным является стихотворение с инципитом *Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей...*, помещенное в пятом томе *Собрания сочинений* Сологуба, в котором Змей определяется эпитетом „золотой”: „Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей” [5, 97].

Следует учитывать тот факт, что в культурной традиции золото является символом божественности, божьей интеллигенции, бессмертия, ненарушимости, солнца, огня²⁸ (хотя, вполне возможно, что эпитет „золотой” связан и с тем, что Дракон считается покровителем сокровищ²⁹).

Сила Солнца-Дракона пронизывает человека, однако, это не созидаящая сила, а губительная, мучительная: „Зной лучей твоих во мне” [Псс, 180]. Свет, который в традиционном понимании имеет положительные коннотации, у Со-

²⁷ Ф. Сологуб, *Полное собрание стихотворений*, Санкт-Петербург 2002, с. 454. (В дальнейшем цитаты, по настоящему изданию, даются в тексте в скобках и обозначаются сокращением «Псс» с указанием страниц).

²⁸ W. Kopaliński, *Słownik symboli*, Warszawa 1990, с. 495–496; [перевод – А. П.].

²⁹ *Мифы народов мира*, т. 1, op. cit., с. 394.

логуба получает отрицательные – демонический свет есть причина боли, муки, страданий.

Со световыми характеристиками тесно связаны и этически-аксиологические. Змей „злой” – творит зло („И злые стрелы точит, / И мечет зло кругом” [С, 17]), он „угрожает” человеку („Он вечно угрожает” [С, 17]). Его деятельность соотносится с семантическим полем слов „злость”, „вражда”, „месть”, „дикость”, „сжигание”; выражается атрибутами уничтожающих „стрел”, также телесными характеристиками, как, например, злые, безумные или дикие глаза и пр.

Змей игнорирует всякие просьбы, направленные ему: „Ты царишь, презрев моления, / Не любя и все губя” [Псс, 162]. Он жесток и лишен милосердия: „Неотменны повеления, / Нет пощады у тебя” [Псс, 162]. Эти признаки сближают сологубовского Змея с Люцифером из *Божественной комедии*, который лишен любви и воплощает зло: „Он, истинно, первопричина зол!”³⁰. Бесчувственность и холод сологубовского Змея („Не любя и все губя”), его своеобразное „оледенение” также ассоциируются с Люцифером у Данте:

Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину
И мне по росту ближе исполин,

Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину³¹.

В качестве контекста и комментария к сказанному, считаем уместным привести высказывание А.А. Потебни: „слова лед, мороз, холод – своеобразные „артиклы” сверхотрицательной оценки, генетически восходящие к символу холод – печаль, забота, жестокость”³².

Сосредоточим теперь внимание на том, что жестокому Змею придается у Сологуба царственный статус он „царит высоко над землей” [С, 17], он недосягаем для подвластных ему людей. Возможно, здесь отражается концепция вертикальности мира, согласно которой то, что находится высоко – сакрализуется, то, что внизу – аксиологически противопоставляется ему. Поскольку у Сологуба все категории меняют значения (то, что традиционно положительно, получает отрицательные коннотации), постольку то, что обладает изначальной высотой – это злой Демиург, Дьявол. Отметим, что некоторые исследователи „ищут греческого имени [Сатаны – А. П.], соответствующего звериному числу 666. Некие говорят, что имя его будет ТЕИТАН, которое обозначает солнце”³³.

³⁰ Данте, *Божественная комедия*, перевод М. Лозинского, Москва 1982, с. 118.

³¹ Там же.

³² А.А. Потебня, *Слово и миф*, Москва 1989, с. 305.

³³ С. Яворский, *Знамена пришествия Антихристового и кончины мира*, [в:] *Антихрист. Антология*, Сост. комм. А.С. Гришина, К.Г. Исупова, Москва 1995, с. 55.

Как мы указывали ранее, мотив Змея соотносится и с мотивом огня. В некоторых мифах „происхождение огня связывается с солнцем: люди отбили от него кусочек и так получили огонь”³⁴. Герой Сологуба испытывает страх перед солнцем, ненавидит его, и, следовательно, испытывает боязнь перед злым блеском огня: „Совсем меня измаял / Злой треск и блеск огня” [5, 27]. Мучительная, пламенная власть солнца достигает всех и всего: „Протянувший всюду пламенные нити, / Опаливший душным зноем всю долину” [С, 27]. Солнце-Дракон причиняет вред, новые заботы и умножает уже существующие:

Он волнует и тревожит, и томления наши множит [С, 9];
Сознающих и желающих
Тяжкой жизнью ты обрек [Псс, 162].

Лирическое „я” подчеркивает космическую мощь Змея/властелина: *Змий, царящий над вселенною* [Псс, 162]. Этот „всемогущий бог, творец этого мира, и есть злое начало”³⁵: „больная, злая змея” [Псс, 66]. Если раньше губительная сила Солнца выражалась в образах палящего, душевного зноя, то здесь она связывается с тлением, со смрадом. Это находит подтверждение в стихотворении *Сон похорон*:

Небо томительно сине,
В небе горела Змея.
Тело недвижимое тело,
Тление – жгучая боль,
И подо мною хрустела,
В тело впиваясь, соль.
И над безмолвной пустыней
Злая Змея
Смрадной, раздутой и синею
Падалью тлела, как я [Псс, 221].

Само же определение „злая Змея” непосредственно отсылает к библейскому источнику, где древний змий служит эмблемой злобы: „Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?” (Мф 23:33).

Учитывая, что в поэзии Сологуба власть Дракона ничем не ограничена, он островидящий („он видел вдаль” [Псс, 149]), он в состоянии предвидеть грядущее и для этого у него наготове „стрелы [...] живы” [Псс, 149], поэтому, кажется, что никто не может победить его.

³⁴ *Мифы народов мира*, т. 2, оп. cit., с. 239.

³⁵ М.И. Дикман, *Поэтическое творчество Федора Сологуба*, [в:] Ф. Сологуб, *Стихотворения*, Ленинград 1975, с. 29.

Расширяя контекст наших рассуждений, отметим, что гностики верили в двух Демиургов. „Он был благ, — пишет о Демиурге Платон в своем «Тимее», [...] — а тот, кто благ, никогда, и ни в каком деле не испытывает зависти. Демиург же (или Первый Архонт, иногда — Ягве) гностиков — напротив, крайне завистлив и высокомерен, и именно эти качества подвигли его на творчество. Но кто является воплощением завистливости и гордыни? Разумеется, Сатана. Итак, гностики ставят Сатану на место Творца”³⁶. Сопоставим эти слова со стихотворением Сологуба 1902 года, *Змий, царящий над вселенною*..., в котором особое значение получают опорные слова: „болотная топкая сырость”, „тяжкая жизнь”. Именно она, тяжкая жизнь — удел человека:

Из болотной топкой сырости
Повелел, губитель, ты
Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.

И ползущих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.
Сознающих и желающих
Тяжкой жизнью ты обрек [Псс, 162].

Змею приписывается созидаящая сила. Однако в отличие от милостивого христианского Бога, он — Дракон, гностический Демиург, создал живых существ „на краткий срок”, и в этом плане он является „губителем”. Выше мы уже отметили, что в восприятии сологубовского лирического героя, Дракон ассоциируется с Дьяволом. Подтверждение этому мы находим и в приведенном стихотворении. Дракон называется здесь создателем всех людей. Из других произведений мы знаем, что Отцом людей считается Дьявол (*Когда я в бурном море плывал...*). В итоге, Дракон — „это эмблема злой силы, ужаса. В русской эмблематике дракон полностью отождествлялся со змеем, знаком сатаны, дьявола”³⁷.

На протяжении многих поэтических произведений Сологуба нарастает отрицательное отношение к солнцу, вызванное фактом его отождествления с „Драконом”. Так, непосредственно обращаясь к Дракону, лирический субъект выражает свою неприязнь к нему в следующем стихотворении: „Я любви к тебе не знаю / Злой и мстительный Дракон [Псс, 180]. Однако, он вынужден подчиняться ему, исполнять его волю, его „незыблемый закон”. Основная экзистенциальная ситуация лирического субъекта во многих стихотворениях поэта связана именно с его подчиненностью „закону” Змея: „исполняю / Твой незыблемый закон” [Псс, 180].

³⁶ Гностики или о «лжеименном знании», составление и подготовка текста к печати С.И. Еремеев, Киев 1997, с. 5.

³⁷ Е.Я. Шейнина, *Энциклопедия символов*, Москва 2001, с. 84.

Обратим внимание на следующие слова из стихотворения с инципитом *Я любви к тебе не знаю...*: „Я облекся знойным телом / Зной лучей твоих во мне” [Псс, 180] и на эпитет „знойный”, который соотносит человеческое тело со зноем и огнем Дракона: „Пламенем наполненные жилы, / Сердце знойное и полное огнем” [Псс, 188].

В приведенном примере угадывается концепция тела как дьявольского создания и причины греха, одержимости грехом³⁸. Интересным и расширяющим проблематику комментарием к нашим рассуждениям могут служить слова Марии Цимборской-Лебоды: „[...] тело есть враг Духу, ибо закрывает путь к глубинному познанию; воспринимающий глаз останавливается на теле, как оболочке человека, довольствуется этим; контакт с душой оказывается заторможенным”³⁹.

Во многих стихотворениях поэта обнаруживается, что Змей/Дракон – это тиран, власть которого оковывает землю (ср. выше семантику мифического Ужа *Ahi*): „Безумием окована земля, / Тиранством золотого Змея” [Псс, 163].

Более того, Змей – это источник безумия, царящего в земном мире. В другом стихотворении Сологуба, Змей прямо определяется: „Царь безумного сиянья” [Псс, 178]. Безумие здесь синонимично человеческой одержимости злом; следовательно, напрашивается вывод: Змей и здесь соотносится с Дьяволом. Прав А. Ханзен-Леве: „Миф о солнечно-огненном драконе характерен для дьявольского космоса Сологуба. Сологуб при этом обращается к архаическим и апокалипсически-библейским мотивам и связывает их [...] с культом черта”⁴⁰.

Приведем еще один показательный и подтверждающий пример – стихотворение из пятого тома „Собрания сочинений” поэта:

Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей
В красном притине шипит в паутине лучей.

Вниз соскользнул и смеется в шипящем уже.
Беленьким зайчиком черт пробежал по меже.

Злая крапива и сонные маки в цвету.
Кто-то, мне близкий, черту замыкает в черту.

Беленький, хитренький, прыгает черт за чертой,
Тихо смеется и шепчет: – Попался! Постой! –⁴¹

³⁸ Категорию тела в творчестве русских символистов рассматривает М. Цимборска-Лебода, указывая на амбивалентное значение тела в творчестве Сологуба. См. М. Цимборска-Лебода, *«Я» и тело в творчестве русских символистов*, „Slavia Orientalis” 2010, т. LIX, № 3, с. 335–354.

³⁹ М. Цимборска-Лебода, *«Я» и тело в творчестве русских символистов*, *op. cit.*, с. 345–346.

⁴⁰ А. Ханзен-Леве, *op. cit.*, с. 213–214.

⁴¹ Ф. Сологуб, *Собрание сочинений*, т. 5, Санкт-Петербург 1910, с. 97. (В дальнейшем цитаты, по настоящему изданию, даются в тексте в скобках и обозначаются сокращением „5” с указанием страниц).

Несмотря на то, что присутствие черта (*ужа*) в стихотворении называется эксплицитно, оно насыщено лексемами, вписывающиеся в семантическое поле слов выражающих ужас и тревогу. Это паутина, крапива, маки, шипение. Крапива – это „символ укулов любви и страдания, символ жизни полной отчаяния”⁴². Мотив паутины и паука, наделенных определенным (отрицательным) значением, в стихотворениях Федора Сологуба и других поэтов эпохи появляются очень часто⁴³: „Люблю за липкой паутиною / Таиться пауком” [Псс, 168].

„Паук⁴⁴, как известно, – это символ зла и дьявола, ткущего паутину для душ грешников. Символ скупости и кровопийства”⁴⁵. Несмотря на то, что, по мнению известного исследователя, „в целом ряде фольклорных текстов паутина служит путеводной и/или спасительной нитью, соединяющей при этом небо и землю либо какие-нибудь точки горизонтальной плоскости”⁴⁶, то во многих произведениях символистов они получают скорее отрицательные коннотации. В приведенном стихотворении с инципитом „Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей...” *значимым оказывается и мотив шипения, который выявляет змеиные признаки черта/ужа*. Все этическое-аксиологические признаки „лютого беспощадного” Змея, воплощающего и творившего Зло, синтезируются в следующем стихотворении:

Но лютый змий возник,
И мечет стрелы злые,
И грозен мертвый лик
Пылающего змия [5, 60].

Любопытно, что Змей/Дракон угрожает людям своим „мертвым ликом”. Значит, он владыка не подлинной жизни, а смерти. Стихотворение *Два солнца горят в небесах...* заканчивается воззванием: „Сражайтесь с Драконом, друзья”; оно намекает на то, что борьба со Змеем будет тяжелой, ибо „чешуя лукавой змеи прочней дамасской стали” [Псс, 341].

В очередном стихотворении из цикла *Змий* изображается ситуация, в которой человек бросает вызов Змею-губителю и предсказывает его конец: золотой Змей померкнет.

⁴² <http://www.myjane.ru/articles/text/?id=3301>, (13.10.2010).

⁴³ О мотиве паука и ада в трагедии И. Анненского *Лаодамия, Протесилай умерший* В. Брюсова см. А. Gozdek, *Topika mityczna. Figury miejsca w twórczości Fiodora Sologuba*, Lublin 2006, с. 98–101.

⁴⁴ Паук появляется в стихотворении „декадентской мадонны”, З. Гиппиус, под заглавием *Берегись*.

⁴⁵ Е.Я. Шейнина, *op. cit.*, с. 104.

⁴⁶ *Мифы народов мира*, т. 2, *op. cit.*, с. 295.

Пред тобою с луком стану без боязни
Я, свершитель смелый беспощадной казни,
Я, предсказанный и все-же неожиданный мститель.
Лук тугой стрела покинет с медным звоном.
Ты на вызов мой ответишь тяжким стоном,
Ты померкнешь, ты погибнешь, злой губитель [С, 27].

Обратим внимание на „эпистемологические” характеристики Змея. Приведем фрагмент стихотворения *Алмаз*: „Злой Дракон не знает правды, и открыть ее не может. / [...] / Но в глаза взглянуть не смеет, потому что весь он – ложь”⁴⁷ [С, 9].

Дракон и здесь подобен Дьяволу. Как и он, Дракон – это князь лжи. Он лживый и составляет антитезу правде. Более того, он „весь в себе” и не в состоянии познать правду. Такую концептуализацию Дьявола находим в Священном Писании: „Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи” (Ин. 8:44).

Ассоциативный ряд Дракон-Дьявол выявляет и стихотворение с инципитом *Тяжелый и разящий молот*... Лирический субъект утверждает, что когда Змей/Дракон потерпит поражение, настанет время истины:

Дракону злomu время пасть.
Растают брызги мутной пены,
И только правде будет власть! [Псс, 454]

Гибель „лютого Змея”⁴⁸ пророчат следующие слова из стихотворения 1905 года:

Умирает Змей багряный, Царь безумного сиянья.
Он царил над небосклоном, но настал печальный час,
И с протяжным тихим стоном Змей пылающий погас [Псс, 178].

Любопытно, что в приведенном фрагменте, как и в предыдущем [С, 27], предстоящая гибель Змея выражается с помощью лексемы „стон”, обозначающей его бессилие, а также той же метафорой угасания, снимающей все световые признаки Дракона/Люцифера. Тем самым, авторский миф Сологуба о Солнце/Змее, синтезируя многие культурные значения, содержит провидческий элемент, предсказывает новую экзистенциальную ситуацию человека, которому предстоит победить зло.

⁴⁷ Убеждение, что солнце является символом фальши содержится в пьесе В. Брюсова *Земля*.

⁴⁸ Сцена победы над змеем представлена на иконе конца XIVвека *Чудо Георгия о змие*, а также в гербе города Москвы. О разных трансформациях легенды о св. Георгии см. С. Сендерович, *Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории*, Москва 2002.

Streszczenie

Mit o Słońcu-Smoku w poezji Fiodora Sologuba

W niniejszym artykule rozpatrywany jest autorski mit Fiodora Sologuba – mit o Słońcu-Smoku. Dokonano próby wyjaśnienia pojęć symbolicznych określających koncept „Słońce” (Wąż, Żmij, Smok). Przedmiotem badań są wiersze Sologuba z tomu *Żmij* (1907), a także teksty z lat późniejszych. Autorka wychodzi z założenia, iż zespół wyobrażeń, określanych przez światopogląd modernistyczny, w znacznym stopniu wywarł wpływ na twórczość poety. Przeprowadzona analiza różnorodnych poetyckich charakterystyk Smoka w utworach poety pozwala na odtworzenie kontekstów jego artystycznego myślenia i na prześledzenie nawiązań do różnych warstw tradycji mitopoetyckiej (A.N. Afanasjew, A. Gieysztor, J. i R. Tomicy). Badany motyw przedstawiono na tle filozofii Artura Schopenhauera, nurtu gnoścycznego oraz ruchu naaseńczyków. Motyw Słońca-Smoka rozpatrzono w kontekście trzech charakterystyk: związanych ze światłem (bezpośrednio odsyłających do Lucyfera poprzez semantykę jego imienia), etyczno-aksjologicznych, ukazujących związek Słońca-Smoka z istnieniem zła na świecie i epistemologicznych, ukazujących związek Smoka z opozycją „kłamstwo-prawda”. Analiza ich semantyki i systemu obrazów pozwala wysnuć wniosek, iż w rozumieniu Sologubowskiego bohatera słońce kojarzone jest z Diabłem. Deszyfracji poddano wiele symboli, służących wyrażeniu prawdy o kondycji człowieka w świecie. W wyniku przeprowadzonych badań udowodniono, iż mit Sologuba syntetyzuje liczne znaczenia kulturowe, zawiera profetyczny pierwiastek – przepowiada nową sytuację egzystencjalną człowieka, który musi pokonać zło.

Summary

The Myth of Sun-Dragon in Fyodor Sologub's Poetry

In my paper I have discussed the author's myth of Fyodor Sologub – the myth of Sun-Dragon. The attempt is made to explain the symbolic notions specifying the concept of the 'Sun' (Snake, Zmey, Dragon). The subject of the study covers the poems by Sologub from the volume *Zmey* (1907) as well as his subsequent texts. The conducted analysis of varied poetical characteristics of the Dragon in Sologub's poems allows not only to reconstruct the contexts of his artistic thinking but also to trace the references to the various layers of mythopoetical tradition. The motive of the Sun-Dragon is examined in the context of three characteristics: related to the light (directly referring to Lucifer through the semantics of his name), ethical and axiological (demonstrating the links between the Sun-Dragon and the existence of evil in the world), and epistemological (revealing the connection between the Dragon and the opposition 'lie-truth'). The analysis of their semantics and of the system of pictures allows to draw a conclusion that, according to Sologub's hero, the sun is related to a Devil. A lot of symbols expressing the truth about the condition of a man in the world are also decoded. As a result, the conducted research has proved that Sologub's myth synthesizes numerous cultural meanings, contains a prophetic element and prophesies a new existential situation of a man who has to defeat evil.